

ЕЛЕНА ГОВОР

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем. Специально для «АМ» Елена Говор переводит на русский язык свою книгу, вышедшую в свет по-английски, *My Dark Brother*. Эта книга повествует о семье русских иммигрантов Ильиных, поселившихся в Австралии в 1910 году и крепко связавших свою судьбу с австралийскими аборигенами.

Мы продолжаем публикацию глав из книги Елены Говор «Мой темнокожий брат: история Ильиных, русско-аборигенской семьи». Раздел книги «В стране Змея-Радуги» посвящён племени аборигенки Китти Кларк, будущей жены Леандро Ильина. В 1996 году Елена Говор со своей семьёй отправилась на плато Атертон на севере Квинсленда, где с незапамятных времён жили предки Китти, и где с 1910 года, вслед за Ильиными, начали селиться русские семьи. Вместе с Флорой, дочерью Китти и Леандро, и её кузиной Джесси Калико гости из Канберры отправились в центр страны предков этих коренных жителей Австралии.

Начало публикации русского варианта книги в «АМ» — №№ 9–19.
Текст предыдущих глав, опубликованных в «Австралийской мозаике», можно найти на сайте Елены Говор — <http://elena.id.au>.

Мир Китти

В СТРАНЕ ЗМЕЯ-РАДУГИ

Мы стояли на вершине холма Ламина. Туман был такой густой, что на расстоянии нескольких метров ничего не было видно. Я отошла на пару шагов от машины, и туман окутал меня со всех сторон. Теперь ничто не напоминало мне о моём времени и пространстве. Понятия обыденного мира таяли в туманной зыбкости, а мир, давно ушедший в небытие, постепенно проступал сквозь колеблющиеся и тающие разрывы тумана. От подножья холма расходились волны темно-зелёных джунглей. Заросли были наполнены мириадами капель дождя, сверкавшими на солнце, и тревожными голосами незнакомых птиц. Это была древняя земля племени нгаджон.

Порыв ветра принёс песню, заунывную и печальную, и когда растаяли остатки тумана, я увидела певцов. Их тёмные лица с полузакрытыми глазами были обращены к склону холма Бартл Фрер. «Видите зелёную поляну там, наверху? — раздавался тихий голос Джесси Калико. — Деревья никогда не растут на ней, она всегда зелёная, там только трава. Это наше священное место. Туда уходят все наши люди, вот на эту гору. Это кладбище наших душ, туда они уходят.

Когда наши люди умирали, старики бывало говорили о них, что умершие никак не упокоятся, они все ходят вокруг, и люди иногда их видят. И тогда старики отпевали душу и отправляли её на эту гору, и душа находила там упокоение и больше не приходила в наш мир». Спокойный голос Флоры слился с голосами певцов: «Моя душа тоже когда-нибудь уйдёт туда». А скорбное песнопение звучало всё громче, заполняя всё пространство, в нём не было больше места для

Вид с холма Ламина.

**Джесси
Калико
и 4-летний
Ральфи.**

моего времени, не было места для нас. Мёртвые хоронили своих мёртвых...

Туман и в самом деле рассеялся. У подножья холма Ламина лежала земля, покрытая изумрудно-зелёной травой. Густой тропический лес, некогда покрывавший её, был вырублен, обнажив все её потаённые ложбинки и пригорки. На протяжении жизни одного поколения чайные плантации и пастбища преобразили древнюю землю, на которой племя нгаджон жило в течение тысячелетий, уничтожив мифический ландшафт, созданный их духовными предками. Джесси была последней связующей нитью с ними, последним человеком, который ещё мог различить этот священный ландшафт под современными фермами, лежащими перед нами. Она показала на группу деревьев на севере, вокруг кратера угасшего вулкана:

«Вот та ферма на дороге Гадалова, где живёт Хоменко — дорога Гадалова вон там, дальше ферма Хоменко, а левее вот эта ферма. Она там, где кратер. Там и был Змей-Радуга, он жил там в кратере, мы называем его Ямани. Он там жил. И старики рассказывали, что в те времена у них не было огня, им нужен был огонь, птицам нужен был огонь, им было холодно, а огонь был только у этого старого Змея-Радуги. У него там был огонь. И ему было тепло.

Птицы хотели достать этот огонь, они говорили: «Надо достать тот кусок дерева, что лежит на самом дне, под другими, ту головню с огнём». Они пытались слететь вниз, но только они туда начинали спускаться, как старый Змей вскакивал и шугал их. Они пытались снова и снова. Не знаю, сколько времени они это делали, они всё ждали и ждали, и подталкивали друг друга: «Ты иди, твоя очередь, ты попробуй». Они уже все попробовали, но никому так и не удалось достать огонь, эту головню.

Наконец вызвалась чёрная птичка. Она сказала: «Я полечу вниз для вас». А они все говорят: «А ты сможешь?» — «Да, я полечу вниз для вас». И потом она говорит: «Пусть он уснёт, пусть он крепко уснёт, и тогда я спущусь и достану эту головню». И она ждала, и ждала, и ждала, пока Ямани не уснул. Ведь каждый раз, когда он слышал шум, он подскакивал. И они говорят: «Пусть он уснёт, крепко-крепко уснёт». И когда он уснул, эта птичка полетела вниз и схватила головню. Но когда она летела обратно, старый Змей-Радуга проснулся и увидел, что она

улетает с головешкой. Тогда он прыгнул и цапнул птичку за хвост. Так у неё и получился раздвоенный хвост. Но головешку она унесла. Все были рады, они разожгли костёр и сели вокруг, и костёр горел, и все птицы сидели вокруг него.

А старый Змей очень рассердился на них из-за того, что они похитили у него огонь. И тогда он сказал: «Уйду я отсюда, я их проучу, возьму и уйду». И вот он решил уйти. Он забрал всю воду, что была у него в этом кратере, и он вылез из кратера и пополз вниз, и спустился до самого озера Баррин. Он добрался туда рано утром, перед самым рассветом, и он вылил из себя всю воду в озеро. Мы называем это озеро Барранг, что значит «рассвет». И вот почему мы говорим: «Земля вокруг этого озера принадлежит другому племени, йидини, но вода в нём наша, потому что она попала туда с нашей земли».

«Я слышала историю об этом перемещении воды от своей бабушки, — добавила Джесси и её лицо осветилось улыбкой. — Она бывало расскажет нам эту историю, а на следующий вечер мы опять просим: „Расскажи нам эту историю, бабушка!“ — „Нет, я не могу её вам всё время рассказывать, ведь вы её уже слышали.“ Эту историю рассказывала мне и моя прабабушка, и моя кузина Эмма. Эта история принадлежит нам всем».

Джесси Калико, эта миниатюрная, очаровательная женщина, в домашнем платье и вязаной кофте, вид которой отнюдь не вызывал ассоциаций с древней мифологией, в этот момент казалась нам кудесницей. С вершины холма

Ламина мы видели группу деревьев, окружающих кратер Змея–Радуги и путь, по которому Змей отправился вниз, к озеру Баррин, вдоль по нынешней дороге Гадалова, мимо фермы Ильиных и дальше на север. Мы находились в центре мифического ландшафта, созданного предками Джесси и сохранённого ими как часть мифической, параллельной, действительности. Впечатление усиливало и её искусство рассказчицы. Она умела рассказывать, не подвергая сомнению реальность мифических событий, на что мы, с нашим рационализмом, не способны. Ведь миф, в отличие от сказки или легенды, воспринимается его создателями как правда. Его сюжетами являются наиболее значимые аспекты мироздания — происхождение мира, человека, культурных благ, социальной организации, таинство рождения и смерти. Мифические события происходят в мифическом времени — в Австралии оно известно под названием Время сновидений. Мифическое время течёт независимо от обыденного, исторического времени, но обуславливает события последнего. У племени нгаджон было даже более усложнённое понимание времени. Согласно Р. Л. Шарпу, который занимался сбором этнографических материалов в этом районе в начале 1930-х годов, нгаджон различали «тьютьяпа», очень отдалённое прошлое, когда был создан первомир, последовавшее затем «нгаки», давнее время, и наконец, настоящее.

История Джесси, на первый взгляд совсем простая, представляет собой квинтэссенцию древних архетипов, возникших вместе

с человеком, прошедших с ним через всю историю и сохранившихся в мифологии и обрядах до настоящего времени. Змей или змея встречаются в мифах у народов всего мира. Этот мифологический персонаж имеет удивительную двойственную натуру — созидательную и разрушительную — и ассоциируется с двумя противоположными стихиями — водой и огнём. Вода связана с дождём, землёй, плодородием и, в частности, с воспроизведением потомства женщинами. Огонь связан с молнией, радугой и, в то же время, с мужской потенцией воспроизведения потомства. Змеи часто выступают одним из элементов и другой базовой оппозиции в мифологии — верха и низа, верхнего и нижнего миров, где птицы представляют верхний мир, а змеи — нижний. Змей–Радуга из истории Джесси обладает почти всеми этими свойствами. Он действует как космогонический, культурный герой: создаёт окружающий ландшафт, наполняет озеро водой, в то время как птицы (мифические предки, пралюди) получают от него огонь.

Не случайно, что около этого кратера находилась бора–граунд — поляна для священных обрядов аборигенов, на которой мальчики, пройдя обряд инициации, становились мужчинами. Ключевым моментом инициации является символическая,

временная смерть подростка, после которой он возвращается к жизни как взрослый мужчина. Эта «смерть» часто изображалась как проход через пасть чудовища или, в некоторых австралийских племенах, Змея–Радуги.

Все эти архетипы — отторжение и, в то же время, притяжение, вызываемое в нас змеёй, очарование и страх, порожденные огнём и молнией, осознание своей принадлежности к верхнему миру, переплетающееся со страхом и привлекательностью нижнего мира, персонификация мужского и женского начала в явлениях природы — глубоко коренятся в нашем подсознании. Но мы, нынешние, вооружённые иллюзией знания, часто не имеем времени остановиться и задуматься об этих базовых — наиважнейших — аспектах нашей жизни; мы не в состоянии освободить себя от этого страха и радости через слова так, как это элегантно было сделано Джесси в древнем мифе своего народа. Слушая её на вершине холма, я поняла глубокий смысл замечания Клода Леви–Строса о том, что аборигены были величайшими интеллектуалами каменного века.

Если бы не Джесси и её бабушка Полли Кларк, чья группа населяла окрестности кратера Змея–Радуги, сведения о его местонахождении были бы навсегда утрачены. В 1913 году шведский натуралист

НА ПРОТЯЖЕНИИ ЖИЗНИ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ ЧАЙНЫЕ ПЛАНТАЦИИ И ПАСТБИЩА ПРЕОБРАЗИЛИ ДРЕВнюю ЗЕМЛЮ, НА КОТОРОЙ ПЛЕМЯ НГАДЖОН ЖИЛО В ТЕЧЕНИЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ, УНИЧТОЖИВ МИФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ, СОЗДАННЫЙ ИХ ДУХОВНЫМИ ПРАРОДИТЕЛЯМИ.

ДЖЕССИ БЫЛА ПОСЛЕДНЕЙ СВЯЗУЮЩЕЙ НИТЬЮ С НИМИ, ПОСЛЕДНИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ ЕЩЁ МОГ РАЗЛИЧИТЬ ЭТОТ СВЯЩЕННЫЙ ЛАНДШАФТ ПОД СОВРЕМЕННЫМИ ФЕРМАМИ, ЛЕЖАЩИМИ ПЕРЕД НАМИ.

Эрик Мьёберг, исследовавший эти края, услышал о существовании этого кратера, но не смог найти его. Он писал:

«Согласно аборигенам, в древние времена недалеко [от озер Баррин и Эчем] было третье, маленькое озеро, которое они называют „Бунубаголами“. Я не мог выяснить, каким образом оно исчезло. Однако, по их представлениям, существует большой подземный туннель, который соединяет озёра. В нём плавает огромный ствол кедра, который однажды превратится в гигантского крокодила, которого они называют „Каньяра“. Из него, в свою очередь, появится страшный дух умершего Мургаляйнья, сильного и могущественного вождя. Давным-давно, когда он ещё ходил по земле среди людей, его лагерь был на самой высокой горе Квинсленда — Белленден Кер. Её хребты, окутанные туманом, видны иногда с озёр».

В красоте этих маленьких вулканических озёр на плато Атертон было что-то тревожное, даже водоплавающие птицы не гнездились на них. Аборигены полагали, что эти озёра бездонные, и считали их опасными местами или, по словам Джесси, «священными для нас. Мы приходим туда, но мы не плаваем в них. Мы никогда не плаваем в этой воде.» Вполне вероятно, что этот страх был вызван тем, что в давние времена аборигены стали здесь свидетелями вулканического

извержения, но, возможно, что этот страх — наследие их памяти о месте, где перед ними раскрылся первозданный Хаос.

Но послушаем сначала Джесси и Флору. Второй миф Джесси касался происхождения вулканических озёр.

«Было два мальчика. Когда ребята подрастают, приходит пора их инициации. Они должны уйти из главного лагеря, где живут все люди. И вот эти ребята жили тут, и им уже нанесли рубцы на теле. Старейшины, которые были с ними, сказали им втереть в кожу жир угря, чтобы заживить надрезы. В этот день старейшины ушли на охоту. Они сказали мальчикам: „Мы оставим вас тут, но смотрите, не выходите из лагеря. Вы оба оставайтесь в ганья (хижине), не ходите никуда, не шалите. Мы уйдём на весь день, но мы придём обратно“.

И вот они там остались. Один из них выглянул из хижины и говорит: „Ой, я хочу пойти в туалет“. Он вышел, вернулся назад и говорит другому: „Дай мне копье, носи скорее копье, я вижу там сидит валлаби. Я такой голодный, надо его обязательно поймать.“ Второй говорит ему: „Нет, не делай этого. Нам это не разрешается делать. Мы это не должны делать“. Он боялся нарушить закон. Но первый говорит: „Да нет, ничего, ничего, я хочу его поймать“. И вот он бросил копье и не попал в валлаби, и копье вонзилось в огненное дерево. Он подошёл, вытащил

копье и видит на конце копья личинку уитчетти. „Ой, — закричал он. — Ямбун, ямбун!“ Тогда второй говорит: „Что это ты сделал?“ А тот ему: „Пошли достанем личинки, мы их испечём.“ Они совсем забыли о законе, о том, что старшие говорили им не делать. И они пошли и срубили огненное дерево, чтобы добыть уитчетти, свалили дерево и стали доставать личинки.

И пока они этим занимались, сюда поднялась вода. Но они были очень заняты и не замечали того, что происходит вокруг них. А мимо них стали пробегать разные зверьки, но они не обращали на это внимания, они доставали личинки из ствола дерева. Старейшины, которые ушли охотиться, посмотрели назад на небо и говорят: „Эти двое ребят, они наверно что-то натворили“. Они это видели по небу, потому что оно стало красным. „Надо идти назад“, — говорят они. А они уже ушли далеко от лагеря. Когда они вернулись назад, всё было кончено, всё ушло под воду, и теперь это озеро Эчем».

Флора, слушая миф Джесси, вспомнила другой миф, который она слышала в 1940 году от своей бабушки Эмили из того же племени нгаджон. Оказалось, что это был развёрнутый конец мифа, рассказанного Джесси.

«Моя бабушка Эмили рассказывала мне об озёрах Эчем и Баррин. Она говорила, что это была большая поляна среди зарослей, голая земля. И она говорила, что там жило большое племя, потому что там было всё расчищено, и не было деревьев, просто голое место в зарослях. И вот однажды они услышали громкий шум, и земля начала

трястись. Когда земля начала трястись, они не знали, что это такое. И когда земля содрогнулась, вода стала выступать из земли, и они все бросились бежать с этой земли, и земля потонула в воде. Многие успели убежать, но многие попали в воду. Так что она поглотила некоторых, а некоторые спаслись. Так появились озёра. Слой земли над водой должно быть был очень тонкий, как корочка, и когда началось землетрясение, оно потрянуло эту землю и она ушла под воду».

В отличие от Джесси, Флора рассказывала историю несколько отстранённо, пытаясь даже добавить рациональное объяснение. Но была в рассказе Флоры одна важная особенность. Я записала его на магнитофон три раза и, сравнивая разные версии, я заметила, что она всегда подчеркивала, что там было пустое место, добавляя, как пояснение, различные характеристики: «большая поляна в зарослях», «большое открытое место», «просто голая земля, без деревьев», «голая земля, то, что называют бора-граунд, вся расчищенная».

Джордж Уотсон, информант австралийского лингвиста Боба Диксона, рассказывая этот миф, также подчеркивал, что «там не было джунглей — только редкий кустарник». Диксон делает интересное предположение, используя геофизические и ботанические данные, согласно которым вулканические озёра возникли около 10 тысяч лет назад, в то время как влажный тропический лес вокруг них появился около 7500 лет назад, что означает, что когда формировались озёра, джунглей ещё не

было. «Вполне вероятно, что история о создании озёр передавалась от поколения к поколению на протяжении 10 тысяч лет», — заключает Диксон.

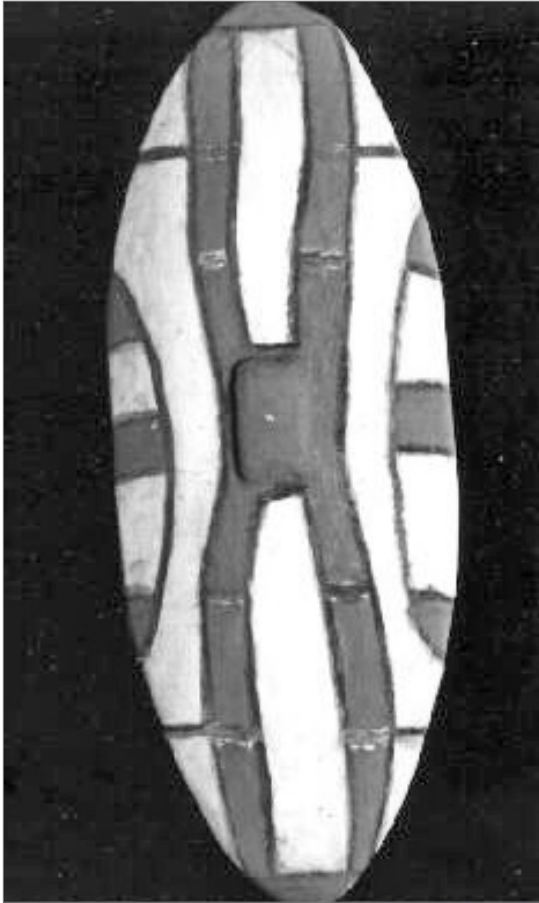
Тем не менее, «пустое место» может иметь и другое объяснение, мифологическое, а не географическое, предложенное этнографом Владимиром Кабо. «Пустое место» — это мифический ландшафт до сотворения мира, это первозданный Хаос, который преобразуется мифическими героями в упорядоченный Космос? В мифе Джесси мальчики, живущие в этом первичном мире, нарушают правила, — и, прежде всего, посягают на огненное дерево, в которое они попали копьём, а затем срубили, а оно ведь было священным для Змея-Радуги — в результате чего происходит катаклизм. После этого мир очевидно был воссоздан в

форме современного ландшафта с вулканическими озёрами. Этот новый мир населяли люди, живущие по правилам — по Закону.

Ныне, спустя более столетия после европейского вторжения, эти мифы — всё, что осталось от прежней стройной системы мироздания. Но даже эти фрагменты позволяют нам заглянуть в её глубины, позволяют прикинуть к той духовности, которая пронизывала повседневную жизнь аборигенов и позволяла им выживать на протяжении тысячелетий в этих суровых природных условиях. Ведь духовность, которую они черпали в своей земле, была не менее важна для них, чем пища, которую давала эта земля. Прежде, чем европейцы осознали, что эти, так называемые «примитивные туземцы», жили полной жизнью в отличии от них, духовном, измерении, хрупкий,

**Аборигены
нгаджон.**

Характерный щит аборигенов нгаджон.

таинственный мир аборигенов растаял, как туман.

ТАЙНА БАРРИНЕЙЦЕВ

Флора, стиснутая между мной, Джесси и Ральфи на заднем сидении машины, направлявшейся в места, где веками жило племя её предков, нежно коснулась руки Джесси: «Моя мама была такой — со светлой кожей, совсем не тёмная». Флора не подозревала, что светлый цвет кожи её предков, отличающийся от других племён австралийских аборигенов, до сих пор остаётся одной из загадок антропологии. Не подозревала она, и что мой муж, Владимир Кабо, сидевший на переднем сидении машины, некогда написал целую книгу, посвящённую тайне происхождения её народа. В 1960-х годах, в Ленинграде, он исследовал происхождение аборигенов, живших на плато Атертон и

в районе озера Баррин, даже не надеясь когда-нибудь их увидеть, поскольку ему, бывшему политзаключенному, выезд за границу был закрыт. К счастью, мы приехали вовремя, чтобы вместе с Джесси и Флорой побывать на земле их предков.

Менее чем за столетие после европейского вторжения, начавшегося в 1890-х годах, племя нгаджон, насчитывавшее около 700 человек, сократилось до горстки людей, которые всё ещё помнили родной язык и знали традиционную культуру. Лишь однажды Флора обронила несколько слов о том, что белые колонизаторы сделали с её народом: «Они принесли много, много зла, они стреляли в чёрных просто так, ни за что. Просто стреляли в них, как в собак. Только после второй мировой войны дела стали меняться. До войны они думали, что чёрные были вроде как динго или кенгуру, ничуть не лучше». Семья Джесси, жившая в лесу, была схвачена в 1930-х годах, когда они пришли в Атертон в день раздачи аборигенам одеял; их выслали из родных мест на миссионерскую станцию Ярраба, к югу от Кэрнса. Только десятилетия спустя Джесси смогла вернуться на землю своих предков, а племя нгаджон, одно из самых таинственных племён, исчезло и унесло с собой тайну своего происхождения и культуры, тайну, которая, возможно, является ключом к заселению Австралии людьми, ключом к эволюции человека.

В 1938 году антропологи Норман Тиндейл и Джозеф Бердсел описали группу из 12 племён, обитающих в джунглях на плато Атертон и в соседних прибрежных районах,

которые отличались от окружающих племён аборигенов. Для них были характерны «невысокий рост, курчавые волосы и тенденция к желтовато-коричневому цвету кожи». Их внешность так походила на тасманийцев, что Тиндейл и Бердсел назвали их тасманоидами и выдвинули интересную гипотезу о том, что в заселении Австралии участвовало несколько волн аборигенов. Тасманийцы и северо-квинслендские тасманоиды были остатками первой, самой ранней волны. В то время как на Тасмании, в изоляции, их антропологический тип сохранился без изменений, обитатели континентального тропического леса подверглись влиянию — и физическому, и культурному — последующих волн переселенцев в Австралию. Поскольку озеро Баррин было центром расселения «тасманоидов», учёные предложили другой термин для их характеристики — барринейцы. А вследствие того, что они отличаются маленьким ростом, — Джесси была всего лишь на голову выше моего 4-летнего сына Ральфи, — их иногда также называют пигмоидами.

Оказалось, что материальную культуру барринейцев отличает ряд характерных особенностей, не свойственных остальным районам Австралии. Это, например, огромные раскрашенные боевые щиты, изготовлявшиеся из надземного комля фикусовых деревьев, и длинные деревянные боевые палашы с тупым краем. Согласно Тиндейлу и Бердселу, некоторые племена барринейцев плели сумки из травы, «чрезвычайно похожие по

внешнему виду и технике изготовления на сумки тасманийцев». Некоторые племена имели уникальный крестовидный бумеранг, использовавшийся для спортивных состязаний и игр, а не для охоты. И, наконец, эти обитатели джунглей были единственным австралийским племенем, изготавливавшим одеяла из подкоркового волокна деревьев, используя технику набивки, наподобие изготовления тапы океанийцами. Были ли эти одеяла местным изобретением или они их заимствовали от океанийцев? Поскольку многие черты внешнего облика барринейцев и тасманийцев походили на меланезийские, некоторые исследователи склонны были рассматривать их как потомков прото-меланезийцев или негроидов, сохранившихся в Австралии и на Тасмании в результате изоляции.

Языки барринейцев представляют собой ещё одно поле для гипотез. Согласно исследованиям Диксона, их диалекты и языки делятся на две группы, принадлежащие к различным лингвистическим типам. Водораздел проходит вдоль границы между племенами нгаджон и их северного соседа йидини. Языки к югу от этой границы были более близки к языкам окружающих небарринейских племён, чем к языкам их северных, барринейских соседей. Например язык нгаджон имеет только 27 процентов слов, общих с языком йидини, язык которых, в свою очередь, находится в родстве с их северными, небарринейскими соседями. Кроме того, аборигены верят, что мифические предки южных барринейцев пришли с юга, а северных — с севера. Как же можно сопрячь все

эти различия со сходствами во внешнем облике и культуре барринейцев? Одно из объяснений можно предложить, обратившись к примеру африканских пигмеев: живя в джунглях, они приняли языки нескольких соседних племён, но резко отличаются от них ростом и более светлой окраской кожи.

Нгаджон жили в самом центре барринейской территории. Они, как и другие аборигены, верили что их предки жили в Австралии всегда: к примеру, в мифе Джесси о Змее-Радуге, птицы — это мифические предки, пралюди, которые населяли землю во Времена сновидений. Учёные оперируют фактами, изучая костные останки, археологические раскопки, геологические изменения. Разными путями они пытаются выяснить, кто были предки нгаджон, когда они пришли в Австралию, когда заселили плато Атертон. Долгие годы в мировой науке господствовало мнение, что Австралия была заселена 15–20 тыс. лет назад. В России Владимир Кабо, после комплексного исследования всевозможных источников, предположил ещё в конце 1960-х годов, что человек населял Австралию по крайней мере ещё 40 тыс. лет назад. Ныне, после новых археологических раскопок, эта дата отодвинулась до 60 тыс. лет. Европейская история кажется лишь кратким моментом на этом фоне. 60 тыс. лет назад Америка и Океания были ещё не заселены; в Европе, покрытой ледниками, жили мамонты, неандертальцы и предшественники *Homo sapiens* — так называемые *Homo sapiens archaic*. Вывод напрашивается сам собой: австралийские аборигены

по-своему действительно правы. Их предки заселили Австралию, которая в то время была частью большого континента Сахул, во времена, когда современный человек (*Homo sapiens*) ещё только формировался. Аборигены стали аборигенами, в нынешнем понимании этого слова, действительно уже здесь, в Австралии.

Недавно выяснилось, что кратер Змея-Радуги из мифа Джесси скрывал сенсационную информацию о древнейшей истории Австралии. Тысячелетия дух Змея охранял свои тайны, пока учёный, Петер Кершоу, не занялся исследованием этого района — сначала кратера Линча (ферма Джима Линча находилась по соседству с фермой Ильных, через дорогу), а затем кратера Змея-Радуги. Официальное название последнего — кратер Стренекова, он был назван в честь нашего Василия Стрельникова, но, к сожалению, в написание вкралась ошибка. Кершоу проводил бурение в кратерах на глубину до 45 метров, извлекая из них керн — колонки органических осадков, слои которых относились к различным периодам. Самые нижние слои соответствовали 140 тыс. лет. Его анализ пыльцы различных растений и количества угля в извлечённых кернах позволил ему реконструировать древнейшее прошлое плато Атертон. Он обнаружил, что первоначально его покрывал тропический лес. Затем, 80 тыс. лет назад, лес стал суше и главное место в нём заняла араукария. Внезапно, около 40 тыс. лет назад, на смену араукарии пришло редколесье — жестколистный лес, в основном, состоящий из

**ДЖЕССИ КАЛИКО, ЭТА МИНИАТЮРНАЯ,
ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА, В ДОМАШНЕМ ПЛАТЬЕ
И ВЯЗАНОЙ КОФТЕ, ВИД КОТОРОЙ ОТНЮДЬ НЕ
ВЫЗЫВАЛ АССОЦИАЦИЙ С ДРЕВНЕЙ МИФОЛОГИЕЙ,
В ЭТОТ МОМЕНТ КАЗАЛАСЬ НАМ КУДЕСНИЦЕЙ.**

эвкалиптов и казуарин, — в то время как количество угля в кернах резко возросло. Кершоу считает, что наряду с уменьшением количества осадков, наблюдавшемся в этот период, исчезновение тропического леса было вызвано выжиганием, которое стали производить аборигены — они выжигали подлесок, прокладывая тропы и расчищая пространство для охоты. Затем, между 10 тыс. и 6 тыс. лет назад этот жестколистный лес был снова заменён влажным тропическим лесом, который аборигены научились не уничтожать, а использовать для своего блага, получая от него всё необходимое. Этот лес покрывал плато Атертон до европейского вторжения в конце XIX века. Это открытие — свидетельство одного из самых ранних вторжений человека в природу и доказательство того, что плато Атертон было заселено не менее 40 тыс. лет назад.

Современная антропология тоже вносит свой вклад в исследование загадок барринеицев. Новейшие исследования, в частности, анализы крови, доказали, что гипотеза Бирдселла и Тиндейла была ошибочной. Барринеицы находятся в родстве с тасманийцами и меланезийцами не более, чем другие группы австралийских аборигенов. Они приобрели свою уникальную внешность в результате генетических процессов, которые происходят

в небольших изолированных группах на протяжении длительного времени. Если в таких группах браки преимущественно эндогамные (внутри группы), некоторые особенности основателей группы могут усиливаться у их потомков — например, курчавые волосы. В случае барринеицев к подобной генетической эволюции добавились специфические условия тропического леса. Это объясняет их светлую пигментацию и невысокий рост. Сходство барринеицев с тасманийцами, которые прошли через сходную генетическую эволюцию, будучи изолированными на своём острове на протяжении 12 тыс. лет, оказалось случайным. Уникальная материальная культура барринеицев сформировалась в результате их адаптации к специфическим условиям и ресурсам тропического леса. Они научились строить крепкие полусферические хижины — самые сложные на всём континенте, — которые защищали их от дождя и стояли по нескольку лет; они искусно использовали верёвки, сделанные из лиан, чтобы взбираться на высокие деревья; они разработали сложную технологию удаления яда из тропических растений и таким образом значительно расширили свой пищевой рацион. Что же до производства ими одеял из коры, сходной с океанийской тапой, то это, вполне вероятно, местное изобретение,

подсказанное наличием коры фикусов. Итак, история барринеицев — это не выживание в изоляции, это развитие и адаптация к меняющимся природным условиям.

Племя нгаджон состояло в лингвистическом родстве с пятью сопредельными племенами (маму, джирбал, джирру, гулнгай и гиррамай), занимавших территорию к югу и юго-западу от земель нгаджон. Согласно Диксону, эти «шесть племён, говорящие на диалектах языка дьирбал, являются потомками единого протоплемени», которое предположительно жило в южной части территории их нынешнего расселения, в прибрежных джунглях. По мере того, как численность протоплемени возрастала, оно разделилось на несколько групп, которые стали самостоятельными племенами, двинувшимися на север и северо-запад, и расселившись в лесах на плато Атертон. Нгаджон были одной из первых групп, отделившихся от протоплемени дьирбал, и ныне «их диалект наиболее отличен от языка дьирбал».

На протяжении тысячелетий предки нгаджон покоряли новые территории, меняли природу и учились жить в гармонии с ней. Их опыт может пригодиться для разработки современных методов использования ресурсов тропического леса. Постепенно научные исследования дополняют мифологическое прошлое, сохранённое нгаджон, новыми открытиями. Увы, сто лет назад европейцы, пришедшие в эти края, не могли предположить, что «Атертонские туземцы» держат в своих руках ключи к древнейшей истории Австралии. ■